

Игорь Вереснев

РЕМЕСЛО НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
В31

Серия «**Настоящая фантастика**» основана в 2010 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Катерина Довжук*

Вереснев, Игорь

В31 Ремесло Небожителей: роман / Игорь Вереснев. — М. : Снежный Ком М, 2019. — 368 с. — (Настоящая фантастика).

ISBN 978-5-6042584-2-2

Это — стимпанк плюс НФ. Это — дворцовые интриги и поиски тайных знаний, поединки на шпагах и воздушные сражения. Мир, в котором можно жить вечно, всегда оставаясь молодым, а можно состариться за час. Мир, в котором тысячу лет длится противостояние Светлых Богов и Небожителей. Мир, созданный за одну ночь...

Это — история о беззаветной доблести и расчетливой алчности, о верности и коварстве, о первой любви и предательстве. Ученику горшечника Траю Горнику, командующему княжьей стражи Барису Бед-Дуару, дочери рыбака Эдали Волич предстоит узнать, кто и зачем создал их мир. А затем — распорядиться этими знаниями.

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6042584-2-2

© Вереснев И., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2019
© Оформление: Олин М., 2019

НАЗЕМЪЕ

Прелюдия 899 г. ЭРЫ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Адмирал Веттрайя, володарь Милакии, Северный король, махараджа Весура и Гунга, султан Панджвюра, шахиншах Аштвая, императорский регент Лунных Пределов стоял у панорамного окна, полукругом охватывающего капитанский мостик, смотрел, ждал. Молчал. Ему было неуютно на просторном мостике «Грозы мира», флагмана армады, лучшего дирижабля, когда-либо построенного в Наземье. Не из-за людей, что толпились за его спиной, — из-за собственных титулов, собранных за неполные три года. Они казались такими значительными прежде. За ними была держава, раскинувшаяся от Восточного океана до Западного, от льдов полюса до южных пустынь. Почти весь мир, населённый людьми. И последний неподвластный ему клочок этого мира, Великое княжество Тарусия, сейчас проплывал внизу. Хватило бы дня, чтобы завоевать и его. Да что там дня — часа! Иной армии, кроме той, что собрал Веттрайя из разбойников, убийц и прочего отребья, приговорённого Небесами, в мире не существовало. Добропорядочные граждане слишком трусливы, чтобы рисковать жизнью.

Все титулы адмирала Веттрайи не значили ровным счётом ничего. Небесный Город не желал признавать их. Для Небожителей он — никто. Меньше, чем никто, смертник, «огрызок», лишённый права на меню. И значит, ему остаётся либо умереть, либо...

— Ваше величество, может, не стоит торопиться? — подал голос советник Коэно, единственный меняный в свите. — Мы продемонстрировали им свою мощь. Наверняка они не ожидали увидеть столько судов, они примут наши условия. Дадим им больше времени на раздумье...

— Больше времени?! — взревел Картош, старший бомбардир армады. — Ты предлагаешь отступить, пиявка? И что дальше? Ресурс батарей скоро иссякнет, а новые, сам знаешь, небесные уроды продавать не хотят. У нас восемьдесят шесть боевых дирижаблей, три сотни аэропланов. Если вернёмся через год, сможем собрать едва ли треть нынешнего, через пять лет — ничего не останется! Твои умники ни батареи, ни эфирный газ делать так и не научились. И не научатся!

Веттрайя невесело усмехнулся. Пять лет, эк загнул! Батареи, газ — спустя пять лет всё это потеряет значимость. Да, меняные трусливы. Пока уверены в мене. Но когда обнаружат, что обречены умирать от старости как последние безудачники, станут ли терпеть своего «володаря»? А его собственная армия? Эти подонки ведь тоже рассчитывают на новую молодость и бесконечные мены. Нет, давать Небожителям отсрочку он не собирался. Если за без малого тысячу лет они разучились торопиться — их беда!

Внезапно ожил радиотелеграф. Разговоры на мостике смолкли, Веттрайя повернулся к аппарату.

— Что там? — поторопил телеграфиста.

Безусый парнишка — вчерашний школяр из Геннебергского университета — опасливо посмотрел на адмирала.

— Это от великого князя...

— Читай!

— «Уважаемый брат наш, Володарь! Настоятельно просим Вас незамедлительно увести флот из воздушного пространства Великого Княжества. Иначе Мы вынуждены будем просить о защите и покровительстве Небесный Город...»

— Мерзавец меняный! — выругался Картош. — Сбросить на него десяток фугасов, чтоб от его вонючего городишки один пепел остался, да и посмотреть, как Небеса его защитят. Вот это будет настоящая демонстрация нашей мощи!

Мнение бомбардира разделяли почти все, кто стоял на мостике. Вопросительные взгляды скрестились на Веттрайе. Что ж, предложение Картоша выполнить проще простого — «Гроза мира» висел точно над Цитаделью Княжграда.

Веттрайя отрицательно качнул головой. Да, он мог бы уничтожить Княжград, как перед этим мог уничтожить

столицы всех завоёванных стран, стереть с лица земли города, а поля завалить трупами. И потерпел бы поражение, как все завоеватели древности. Потому что там, где начинается смерть, заканчивается страх смерти. Власть Веттрайи держалась на страхе смерти, как и власть Небожителей. Разница в том, что они знали тайну мены, а Веттрайя — нет. Поэтому у Небожителей в запасе вечность, а у него — лишь сегодня.

— Что-то ещё? — спросил он телеграфиста.

Паренёк отрицательно покачал головой.

— Небесный Город по-прежнему молчит? — уточнил Коэно.

Как будто не ясно! О чём Небожителям разговаривать со смертными? В особенности с теми, кто посмел бросить им вызов! Веттрайя отвернулся к окну. Бронированное стекло было недостаточно прозрачным, но огромный кристалл Небесья он различал вполне отчётливо. Шлюзовые ворота закрыты, причальные мачты втянуты. Не ждут гостей хозяйева. Там, за зеркальными стенами Небесного Города скрыты несметные сокровища — золото и драгоценные камни, волшебные механизмы и запретные для наземцев книги, тайны, о которых разве что догадывались мудрейшие из людей. И самая манящая, самая заветная: тайна ремесла, позволяющего обмениваться телами, получать взамен старого, источенного болезнями, молодое и здоровое. И жить вечно.

Обещанием этих богатств и этой тайны Веттрайя собрал свою армию. Единственно возможную в этом мире: преступники, лишённые права на мему. Что они могли потерять? Десяток лет оставшейся жизни? Награда — бессмертие, богатство и власть — окупала риск.

Адмирала Веттрайю бессмертие не интересовало. Власть и богатство нужны ему были только затем, чтобы достигнуть цели. Той, что он поставил себе, когда шестнадцатилетним хорузским гимназистом получил дурную весть из родного улуса: мать умерла, приобретя по нечестной мене неизлечимую хворь, отец же обменялся вполне удачно, на радостях закатил пир, пьяный упал с коня и свернул себе шею. Так и закончилась, не начавшись, вечная жизнь его родителей.

— Господин адмирал, ваше величество, что ответить князю? — робко спросил телеграфист.

— Ничего. Всё, что нужно, он скоро увидит сам.

Алое вечернее солнце коснулось горизонта. Его лучи играли на хрустальных гранях Небесного Города, окрашивая его в цвета рубина и граната. В цвета крови... Пора!

— Сигнальщикам передать на корабли: первая линия — залп! — Адмирал скомандовал, не оборачиваясь. Тут же услышал, как затопали подошвы по гулкому полу мостика, где-то за переборкой засвистели боцманские дудки.

Как замигали разноцветными всполохами семафоры флагмана, Веттрайя видеть не мог, но через несколько минут разглядел ответные сигналы ближайших к флагману посудин. Дирижабли окружали Небесный Город, точно огромные металлические мухи. Вернее — осы, хищные, готовые жалить.

Огненно-алые кляксы вспыхнули под гондолами всех дирижаблей первой линии почти одновременно, дымные полосы метнулись к кровавому кристаллу. Не ожидали? Сюрприз! Веттрайя искренне надеялся застать Небожителей врасплох. Пороховые ракеты — штука куда более страшная, чем стреломёты и болтострелы. А главное — дали это оружие людям не хозяева Небесья. Мудрецы Лунных Пределов изобрели порох задолго до их пришествия. В прежние времена использовался тот исключительно для развлечений — запускать в ночное небо рои разноцветных светляков. Но если смастерить ракету побольше, снарядить стальным наконечником, то игрушка превратится в оружие. Посмотрим, устоит ли против него небесный хрусталь.

Первая ракета достигла цели, разорвалась, оставив лишь пятно копоти. Вторая оказалась удачливей — Веттрайя различил сеть трещин, побежавших по стене. Это хорошо, значит, уязвимые места там есть. А ракет, чтобы нащупать их, у армады достаточно.

— Вторая линия — залп!

Вновь засвистели дудки, замигали семафоры, но адмирал уже не смотрел на свои корабли. На миг ему показалось, что бронестекло ещё сильнее помутнело. Но нет, очертания

дирижаблей он видел отчётливо. Небесный Город подёрнулся туманной чуть искрящейся пеленой. Меняные рассказы вали, что подобный туман скрывает силуэты Небожителей. Эфирная защита. Сколько же мощи требуется, чтобы укрыть весь Город?!

Ракеты продолжали взрываться, но причиняет ли это хоть малейший вред Городу, теперь видно не было.

— Прекратить огонь! Коэно! — Веттрайя окликнул советника. — Как много эфирной силы требуется, чтобы поддерживать защиту Небесья?

— О, мы ничего не знаем о ёмкости батарей и...

— Спрашиваю ещё раз — сколько эфирной силы требуется?!

— Думаю, гораздо больше, чем производят все станции Наземья. Но, ваше величество, мы черпаем эфирную силу только из воды и воздуха — Небожители открыли нам этот секрет. Мудрецы утверждают, что куда больше её можно получить из солнечного света. Если знать — как!

— Солнце скоро сядет, — в голосе бомбардира Картоша звучала неуверенность. — Мы можем и подождать.

— Не аэропланы, — возразил капитан флагмана Богурра. — У некоторых заряд батарей на исходе.

— Мы не можем остаться без аэропланов! Если нас атаку...

Он замолк на полуслове — скрывающая Небесный Город пелена дрогнула, пошла прорехами.

— Ага! — обрадовался Картош. — Запасы эфирной силы у этих уродов не бесконечные. Залп, адмирал, залп!

Веттрайя ответить не успел. В одной из прорех вспыхнула белая звёздочка. Ослепительно яркий в темнеющем вечернем небе лучик метнулся навстречу армаде, чиркнул по гондоле «Славы Севера», мимоходом срезал лопасти пропеллеров, остановился, ткнувшись в обшивку аэростата.

— Что за...

В следующую минуту дирижабль взорвался. Огненный шквал ударил в соседние корабли, расшвырял клочья обшивки, рули, обломки гондолы, изуродованные тела, а белый луч уже выискивал следующую жертву. И не он один! Добрая дюжина била по окружившей Город армаде,

выжигала её. «Роза Весура», «Утренний всадник», «Золотой дождь», «Стремительный» — Веттрайя не успевал считать вспыхивающие один за другим дирижабли.

— Всем линиям — залп! — наконец опомнился он. — Аэропланы — в атаку!

— В атаку?! — Картош подскочил, дёрнул за плечо, заставляя развернуться. — Ты спятил, адмирал?! Богурра, командуй отход!

— Изменник! — Веттрайя сбросил с плеча руку бомбардира, схватился за кортик... и тут же повалился на пол, сбитый ударом в челюсть.

— Это ты нас предал! Признавайся, небесные уроды тебя подослали? Чтобы ты собрал нас и привёл прямо к ним на костёр? Ты заранее знал об их лучах смерти, ты же умник! Признавайся!

Впрочем, ответить Веттрайе он не позволил. Что было силы ударил носком сапога по рёбрам, ещё раз, ещё. Веттрайя закашлялся, едва не захлёбываясь кровью. А рядом ползал на коленях Козно, скулил противно:

— Мы все здесь умрём, все, все! Мы смертники, безудачники!

Скольким дирижаблям удалось отступить, Веттрайя не знал. Удивительно, что уцелел хоть кто-то. «Грозе мира» повезло. Утром они были далеко от Небесного Города, пробирались между скалистыми вершинами Серединного хребта. Всё, что было ниже вершин, скрывал непроницаемо-густой туман. Это хорошо, тарусийцы не увидят, куда подались налётчики, не сообщат своим небесным хозяевам.

Ночь Веттрайя провёл на капитанском мостике, связанный по рукам и ногам. Не то чтобы Богурра и Картош интересовались его советами — он для них перестал существовать. Свои планы они обсуждали так, точно кроме них на мостике никого не было:

— Что будем дальше делать? Возвращаемся в Милакию? Или сразу в Геннеберг?

— Зачем? Чтобы сплясать последний танец на виселице? Думаю, Небесье уже оповестило весь мир о гибели армады.

А если не они, то этот урод, что сидит на троне Княжграда. Мы теперь снова вне закона... как будто и не было ничего.

— Говорят, по ту сторону Западного океана тоже есть земля. Мы могли бы попробовать туда долететь. Заряда батарей должно хватить.

Картош захохотал:

— Ты хочешь стать володарем дикарей? Ходить нагишом и жрать сырую рыбу?

— А что ты предлагаешь?! — взвился Богурра.

— Лететь к побережью, затопить дирижабль в безлюдном месте, добыть именные грамоты, затеряться.

— Топить «Грозу мира»?! Да я всю жизнь мечтал о собственном дирижабле!

— Вот и сдохнешь вместе с ним.

Капитан насупился, отвернулся от подельника. Взгляд его тёмных, глубоко посаженных глаз вперился в Веттрайю.

— С этим что делать будем? Может, перерезать ему горло? Или оставим здесь, пусть рыбами покомандует? Эй ты, чего молчишь? Выбирай, как тебе лучше!

— Жирно для него будет — выбирать. Сколько хороших ребят из-за него сгорели заживо, оземь расшиблись — ещё больше!

— Они погибли в бою, а не сдохли на виселице или в сточной канаве со вспоротым брюхом. Благодаря мне вы людьми себя почувствовали, а не падалью! Я вас летать научил!

— Пасть закрой! — Богурра шагнул к нему, готовый доломать уцелевшие рёбра.

Но Картош остановил:

— погоди! Летать, значит, научил? Ну и мы тебя сейчас научим. Узнаешь, каково это, с высоты — оземь.

Матросов они звать не стали: люк — рядом, в углу мостика. Распахнули, подтащили, приподняли — и Веттрайя ощутил, что опора исчезла, что под ним пустота. Холодный влажный воздух ударил в лицо, сбил дыхание. Мир вокруг, днище гондолы, серебристо-жёлтая сигара дирижабля пропали, слизанные туманом. Он не увидит даже землю, о которую расшибётся, — успел подумать...

Падение, только что стремительное, начало замедляться. Уже и не падение это было — Веттрайя словно парил,

медленно снижаясь. Может, чувства обманывают? Он завертел головой по сторонам, но что увидишь в таком тумане? Потом всё-таки увидел — ветка дерева медленно проплыла вверх в полуметре от него. Пожалуй, он бы дотянулся, если бы не связанные за спиной руки. А вон ещё одна, чуть поодаль. Веттрайя опускался на землю мягко и плавно, как сорвавшийся с дерева лист. Он летел лицом вниз, потому видел, как из тумана вынырнули низкорослые кусты, каменистая осыпь, трава. На эту траву он и лёг.

Минуту Веттрайя лежал неподвижно, пытаюсь понять, что происходит. Понять не получалось. Тогда он перевернулся на бок, сел. Тотчас из тумана выступили двое. Они во всём походили на людей — две ноги, две руки, на каждой по пять пальцев, глаза, нос, рот, уши. Но всё же это были не люди: слишком высокие, в каждом по два метра роста, слишком красивые, слишком правильно сложены. И кожа слишком светлая. Волосы белые, будто снег, и большие яркие глаза цвета молодой весенней травы.

Одеты незнакомцы были одинаково — серые с грязно-зелёными разводами комбинезоны наверняка делали их незаметными среди камней и деревьев. Очертания фигур указывали, что одна из них женщина, второй — мужчина.

— Я знаю, кто вы такие, — объявил Веттрайя. — Вы Светлые Боги. Мои предки верили, что вы правили миром до того, как в него пришли Небожители.

Незнакомцы переглянулись. Женщина присела рядом, коснулась верёвок на лодыжках, и узел тут же распался, хоть Веттрайя поклясться мог — она и пальцем не пошевелила для этого. С верёвкой на запястьях произошло то же самое. Мужчина положил ладонь ему на голову, и Веттрайя услышал голос внутри черепа:

— Мы никогда не правили твоим миром.

— И мы не боги. — Женщина взяла его за руку, и её голос, напевный и звонкий одновременно, он тоже услышал. — Мы Наблюдатели.

— Но это как раз не важно. Можешь считать нас богами, если тебе так проще.

— «Светлые Боги», поэтично звучит. Мне нравится, — улыбнулась женщина.

Губы её не шевелились, и было странно слышать звук голоса. Веттрайя пожал плечами:

— Вы спасли мне жизнь так, как могли это сделать только Боги. Значит, вы Боги. Мне интересно другое. Зачем вы это сделали? В мире погибают тысячи людей. Наверняка многие среди них куда достойнее, чем я.

— В мире погибают миллионы, — поправил мужчина. — Но один ты рискнул пойти наперекор Небожителям.

— Небожители — ваши враги?

— Нет. Они ваши враги. Враги вашего мира.

Веттрайя хмыкнул:

— А то я не знаю! Только против их оружия никто не устоит.

— Люди не могут победить Небожителей ни силой, ни хитростью, — подтвердил мужчина. — Небожители предусмотрели всё.

— Их власть над миром людей абсолютна и безупречна, — добавила женщина.

— Они думают, что их власть безупречна.

— Они уверены в этом.

— Они не знают, какую оплошность допустили. Один человек может изменить весь ваш мир. Если окажется в должном месте в должное время.

Веттрайя вскинулся:

— И где это место и время?

— Пока мы не знаем.

— Мы будем ждать.

— А я? Мне-то что делать? Зачем вы мне всё это рассказываете?

— И ты должен ждать. Жить. Стать отцом. Дедом. Прадедом...

— Хотите сказать, это кто-то из моих потомков победит Небожителей? Откуда вы всё знаете? Выходит, вы всё-таки Боги?

— Мы Наблюдатели. — Женщина поднялась с колен. — Мы наблюдаем ваш мир сегодня, вчера, завтра. Всегда! Твой сын... внук... правнук окажется в должное время в должном месте.

— Хорошее дело! Вы хоть подскажите, где и когда это будет?

— Мы подскажем. — Женщина сделала шаг в туман. — Мы помогли сделать ошибку, поможем её исправить.

— Мы пришлём весть. — Мужчина тоже отступил.

— Эй, стойте! — Веттрайя опомнился, вскочил на ноги. — Куда вы уходите? Я заблужусь в этих горах!

Он бросился в туман, туда, где секунду назад растаяли силуэты Светлых Богов. И едва не сорвался с обрыва. Ему понадобилось минут десять, чтобы найти ведущую вниз тропку. Побежал по ней, то и дело спотыкаясь, цепляясь ногами за камни, за узловатые корни. Он уже понимал, что не отыщет Богов, что остался один в незнакомых горах чужой страны.

В конце концов ему надоело спотыкаться, и он перешёл на шаг. И сразу услышал шум. Шум доносился спереди, тропинка вела как раз к его источнику. Веттрайя остановился, размышляя, что делать — продолжать путь или вернуться назад? Потом махнул рукой: Светлые Боги спасали его не для того, чтобы подвергнуть новой опасности.

Это был водопад. Горная речушка срывалась с утёса, дужиной струй падала вниз, разбиваясь по пути о камни. Внизу собиралась небольшим озерцом и продолжала свой путь дальше, среди невысоких кустов с тёмными жёсткими листьями на колючих ветвях. Под водопадом плескалась девушка, совсем не похожая на недавно виденных Богов: тонкая, черноволосая, узкобёдрая. Веттрайя выскочил из тумана внезапно, но девушка не испугалась, а скорее удивилась его появлению. Прикрыла рукой лоно, посмотрела вопросительно.

— Извините, — Веттрайя попятился, отвернулся смущённо, — я, кажется, заблудился.

Девушка засмеялась, спросила что-то на гортанном, не похожем на напевную речь Богов языке. Веттрайя спохватился — по привычке он заговорил с ней на генском.

— Извини, я чужой странец, — повторил он, с трудом подбирая тарусийские слова.

Девушка опять засмеялась.

— Ты смешно говорить. — Её акцент был ничуть не лучше. — Откуда ты браться? Упасть с Небеса?

— Почти угадала, — хмыкнул Веттрайя.

— Ты хочешь знать дорога в долина?

Веттрайя готов был кивнуть. Спыхватился. Что, собственно, ему делать в долине? Прятаться от княжьей стражи? Собирать шайку смертников, промышлять разбоем на больших дорогах? Нет уж, увольте.

Он повернулся к девушке, уже не смущаясь, оценил её фигуру. Сильные ноги, по-мужски крепкие плечи, тёмные бусинки сосков на маленьких девичьих грудях. Спросил:

— Ты согласишься родить мне сына? И как тебя зовут?

Девушка выбралась из воды, запахнулась длинным чёрным плащом. Поинтересовалась деловито:

— Ты взять меня в жена, чужой странец? Меня звать Изимия. Какой калым ты платить моему отцу?

В карманах у Веттрайи было пусто. Однако подельники так торопились сбросить его с дирижабля, что не удосужились снять перстни и серьгу.

— Этот камень называется сапфир, а этот — рубин. — Он протянул девушке руку. — В Княжграде за них наверняка дадут хорошую цену.

Она осторожно взяла его ладонь, провела пальчиком по камням, разглядывая. Когда опять подняла голову, в глазах её светилась радость.

— Да, это очень, очень хороший калым! Отец сделать мену себе и маме, не умирать. Я родить тебе три сын за это!

Веттрайя усмехнулся. Заказывали ему одного, но запас карман не тянет.

— Договорились. Пошли к твоему отцу, Изимия. Как у вас принято свататься?

Глава 1 ТРАЙ

Гончарная мастерская господина Капоша стояла в самом конце Глиняной улицы, там, где та превращалась в просёлочную дорогу, петляющую между огородами, зарослями терновника и мелкими оврагами. Дальше просёлок

уходил вправо, перебирался вброд через Тычкин ручей, — благо дно у ручья в этом месте каменистое, — делал изрядный крюк, огибая дубовую рощу, и натужно взбирался на грядку невысоких, но крутобоких холмов. За холмами он теялся окончательно.

Стол, за которым Трай расписывал горшки, стоял как раз напротив окна, выходящего на просёлок. Поздней осенью и зимой смотреть в окно было неинтересно: грязь, слякоть, низкие серые тучи, а то и завеса дождя, делавшая мир маленьким и неудобным. Редкое разнообразие — протарахтит по просёлку телега селянина, вздумавшего наведаться в волостной городок за какой-то надобностью, да и завязнет в бочаге по самую ось. Трай глядел, как тужится мужик, пытаясь приподнять телегу, как упирается копытами тощая лошадёнка. Глядел, вздыхал, сочувствовал — издали.

Когда убогую серость ненадолго прикрывал снег, краше не становилось. Снег — это вовсе зябко и сыро. Стынут руки, под ногами чавкает, и затянутые тонким ледком колдобины оказываются вдвойне коварными. Снег, холод и зиму Трай не любил. Кто их только выдумал? Говорят, на юге, на берегу океана, их и вовсе нет, сплошь весна да лето. Вот повезло тамошним!

Весной и летом картинка за окном преображалась. Сначала появлялась зеленоватая дымка на терновниках. Затем сплошь зелёными становились рощи, расцветали жёлтым, синим, алым пустоши вокруг овражков. Наконец, приходила пора огородов, и просёлок делался многолюдным, весёлым и шумным. Утром, едва солнце поднимется из-за холмов на востоке, — селяне спешат на рынок. Днём, когда оно подойдёт ближе к зениту, — едут обратно. А какое пронзительно-высокое небо весной! Начинаешь верить, что мир не заканчивается грядой холмов, опоясывающих городок, что он огромный — даже до столицы державы, Княжграда, без малого полторы тысячи вёрст!

На цветущие пустоши, зелёные рощи, синее небо Трай мог глядеть часами. Господин Капош бурчал, что работа идёт медленно, но скорее для порядка, без злобы. Руки и по-давно не распускал. Потому как Трай не зазря тарачился

в окошко, а запоминал цвета, чтобы после перенести их на глину. Весной и летом роспись получалась яркой, солнечной, живой, а осенью и зимой, как ни старайся, ничего не выходит. Вроде и глина та самая, и краски те же, и обжигает горшки господин Капош по одной и той же методе, а не получается. «Зимняя» посуда большей частью пылилась в кладовой, распродалась селянам за бесценок, а то вовсе шла на шамот. Зато «летняя» — о-го-го! Летняя кормила и гончара, и его вечно хворую жену, и троих детишек, и единственного подмастерья — Трая. Летняя позволяла содержать мастерскую, закупать глину и уголь, платить рыночный сбор и подушный налог. Пока что позволяла...

Господин Капош был безудачником. Десять лет назад он, такой же бедняк по рождению, как и Трай, обменялся вперёд. На вырученные монеты приобрёл гончарную мастерскую на краю городка и твёрдо вознамерился начать долгую богатую жизнь. Ан не вышло. Хоть и научился ремеслу, пока ходил в подмастерьях, но на поверку оказалось, что всё его умение — горшки на гончарном круге лепить. Правильно обжечь их, чтобы прочными и звонкими были, не боялись ни огня, ни влаги, у него не получалось. А старые мастера, многие десятки лет простоявшие у горна, не единожды менянные назад, делиться секретами с выскочкой не собирались, во всяком случае бесплатно. Но и «за платно» ничего путного не вышло. Когда жена господина Капоша добыла для мужа секрет обжига и поливы за мену с супругой одного из мастеров, оказалось, что к секрету этому нужно приноровиться. Потратить годы и годы жизни, чтобы к знанию добавилось умение.

Незадачливый гончар уже разорился бы, если б случай не привёл в его мастерскую Трая. Прежний подмастерье работать за похлёбку отказался, а у осиротевшего в тот год парнишки выбора не было. Не то чтобы Траю нравилось возиться с глиной, — измельчать, просеивать, разминать, — и уж тем более ковыряться в саже, вычищая горн, но эта работа была ничем не хуже другой. И она была единственной, которую он смог найти в ту стылую, зябкую зиму.

А потом Траю в руки попала кисточка. Случайно попала — хозяйева как раз обедали, плоски с красками стояли

на столе в мастерской. Они были такие яркие, красивые! Трай не удержался и разрисовал предназначенный в шамот обломок блюда. Затем ещё один, ещё. Увлёкся, не заметил госпожу Капошеву. Та понаблюдала за подмастерьем, кликнула мужа. Гончар с ходу отвесил мальчишке подзатыльник — нечего дорогие краски без толку переводить! Но жена остановила и предложила Траю разрисовать целую тарель. С этого всё и пошло. Разумеется, разрисованная Траем посуда оставалось всё такой же хрупкой, малопригодной в использовании. Зато она была красивая! И зажиточные мещанки нашли ей применение: взялись украшать тарелями стены гостиных и трапезных, чашечками — посудные горки, чтобы глаз радовали и душу веселили. Мол, так и в Княжграде заведено! Правда, там для этого использовали дорогой фарфор аж из Лунных Пределов, но на то он и Княжград.

Из окна мастерской Траю был виден большой кусок мира, окружающего город. Зато сам город виден не был. И дворик, неприбранный, неухоженный, заваленный черепичным мусором, битым кирпичом и прочим хламом виден не был. Калитка в почерневших от времени, едва держащихся на петлях воротах — тоже. Потому Трай не увидел Кветтину, а услышал, как она зовёт:

— Трай, ты дома?!

— Здесь он, здесь, в мастерской, — тут же отозвалась откуда-то справа, не иначе из курятника, хозяйка. — Где ж ему быть? Работает, самые сочные денёчки для него. У нас знаешь как — лето весь год кормит.

Кветтина что-то ответила вполголоса — Трай не разобрал. Должно быть, просила позвать, потому как хозяйка возразила:

— Да сама зайди и кликни. Чай, не барыня.

Не дожидаясь, пока девушка войдёт, он быстро вытер тошью пальцы, поднялся из-за стола, аккуратно взял свежерасписанный — краски не успели обсохнуть — кувшин, поставил на полку, в ряд с такими же красавцами-собратьями. Развязал тесёмки фартука, сбросил его на лавку и заспешил к выходу.

К двери они поспели вместе. Трай толкнул, Кветтина потянула на себя, распахнула от неожиданности настежь — ах! Трай замер, ощутив, как девичьи грудки ткнулись ему под рёбра. Они у Кветтины были крепенькие и упругие. Да и вся она была такой же крепенькой, словно яблочко, налитое молодым летним соком. С круглыми розовыми щёчками, маленьким, чуть вздёрнутым носиком, пухлыми медово-сладкими губками и огромными карими глазищами. Кветтина была очень красива. И очень нравилась Траю. Глядя на неё, он мечтал, что когда-нибудь решится, обнимет, прижмёт к себе, поцелует — по-настоящему, в губы, а не в щёчку, как сестрёнку, — и... предложит выйти замуж, ясное дело! Трай уверен был, что обязательно сделает это — как только представится случай. Он начал ждать случая ещё пять лет назад, когда Кветтина была нескладной отроковицей. Всё ждал, ждал, ждал... а случай не представлялся.

Зато рыжий конопатый Ламавин Пука — увалень, нос картошкой! — на случай не надеялся. Уже с полгода зажимался с Кветтиной по укромным уголкам, целовал её в губы, и кто знает, не сговорилась ли парочка о женитьбе? У Трая кулаки чесались — расквасить бы рыжему его картофелину, даром что приятели!

...Трай сообразил вдруг, что они так и стоят в дверях, прижавшись друг к другу. Кветтина не отступила, лишь разглядывала его и улыбалась. Стрельнуло в голове — так вот же он, случай! Вскинул руки, готовясь облапить...

— Ой! — Не успел. Девушка хихикнула, ловко проскользнула под его ладонями — у неё всё ловко получается! — Ты чего это надумал? Ты же в краске весь, испачкаешь!

— Я снял фартук... — растерянно пробормотал Трай. Кажется, удобный случай опять обошёл его стороной.

— Фартук... а руки? Глянь — по локоть серо-буро-малиновые! — Кветтина засмеялась залиvisto и отскочила на пару шагов, пока Трай не сообразил, что руки у него чистые — он же их вытер! — Ладно, иди мойся и переодевайся. Мави сегодня угощает.

— Это по какому же поводу? — удивился Трай.

— А то ты не догадываешься! Он целый год этот повод ищет.

— Он менщика нашёл?! И кого же?

— Сам расскажет. Да поторапливайся ты! Они с братом сумки потащили на наше место, а я за тобой забежала.

Трай неуверенно покосился на хозяйский дом.

— У меня работа...

— Ой, завтра поработаешь! Можно подумать, эти безудачники посмеют тебя выгнать из-за двух кувшинов.

— Квета! — укоризненно промямлил Трай. — Они же не виноваты...

— Виноваты! Удача каждому даётся. Проворонили — выходит, виноваты. А ты не стой, Ард с рыжим уже ждут, на-верное.

Трай вздохнул, но спорить больше не захотел. Поплёл к сараюшке в углу двора, рядом с собачьей будкой — своему жилищу. Из курятника выглянула госпожа Капошева, открыла было рот, готовая что-то сказать, но, встретившись с парнем взглядом, промолчала. А когда спустя пять минут он снова вышел во двор, умытый, переодевшийся в чистое, никого из Капошей видно не было, одна Кветтина сидела на корточках, чесала за ухом Гривастика. Пёс грустно глядел на неё, вяло помахивал куцым обрубком хвоста. Выглядел он таким же менянным вперёд безудачником, как и его хозяева.

— Знаешь, они ведь боятся, — Кветтина подмигнула Траю. — Что ты мену удачную подыщешь и уйдёшь от них навсегда. Хотя ты и так от них уйти можешь, верно?

Трай промолчал.

Кветтина не ошиблась — Ардис и Ламавин ждали их в условленном месте. Место в самом деле было хорошее. Вроде бы и околица недалеко, и просёлок в полусотне шагов, а тихо, безлюдно, словно на десятки вёрст вокруг нет ни одной живой души. Склоны овражка сплошь поросли густым терновником, так что с дороги казалось — кроме колючих кустов и нет там ничего. Но если пройти вдоль оврага, спуститься по едва заметной тропинке, то за стеной терновника увидишь просторную полянку и звонкий

ручѐек. Трай, Ардис и Ламавин нашли это место много лет назад, босоногими сорванцами, и с тех пор ревниво оберегали от чужаков.

Они дружили, сколько себя помнили. Все трое были бедняками по рождению, сверстниками и соседями — достаточно, чтобы стать приятелями. Когда выяснилось, что родители всех троих не сумели поймать удачу, мальчишки ещё крепче стали держаться друг за друга. Как иначе? Вскоре у Ардиса умер отец — надорвался, таская неподъёмные туки на кожевенной мануфактуре. Он ничего не умел, кроме как таскать тяжести, и когда монеты, полученные по мене, закончились, вынужден был взяться за старое, но силы в плечах оказалось куда меньше, чем прежде. Трай к четырнадцати годам и вовсе осиротел. У Ламавина родители пока были живы, да толку от этого? Отец пил не просыхая, будто старался быстрее пропить и невеликий свой заработок сапожника, и оставшуюся после мены жизнь. А мать смотрела на это и медленно сходила с ума.

Братьев-сестёр у Ламавина и Трая не было — их родители вовремя поняли, что катятся на дно и прокормить второй рот не сумеют. У Ардиса сестра была — младше на три года. Такая же темноволосая, кареглазая, невысокая, зато крепкая в кости — как и брат. И такая же упрямая. Лет до тринадцати она была их общей младшей сестрёнкой, хвостиком, неотвязно следовавшим всюду за приятелями. А потом вдруг оказалось, что Кветтина, в отличие от брата, становится красавицей. Унаследованная от родителей широкая кость вовсе не портила её. Пусть не могла она похвастать осиной талией и длинными ногами, зато бёдра у девушки были пышными и грудь высокой. Кто из «братьев» влюбился первым — Трай или Ламавин, — не важно. Теперь, когда Кветтине исполнилось шестнадцать — взрослая! — в неё были влюблены оба. И если выросший белокурый красавцем Трай пока что робко вздыхал, поджидая случая, то рыжий шёл напролом к поставленной цели.

— Где вы бродили столько времени? — Ламавин ревниво покосился на Трая. — Вона, курица остыла. А я ж нарочно у мамыши Тулу просил горяченькую, чтоб вкуснее было.

— Леший с ней, с курицей! — хохотнул Ардис. — Вино нагреется — это да!

Он как раз раскладывал подстилку на берегу ручейка. Корзины со снедью стояли рядом, ещё не распакованные. Ясно было, что ребята опередили Кветтину и Трая на больше, чем на пять минут.

Девушка присела возле корзинок, сунула руку под тряпку:

— Тёплая, тёплая, не ворчи. Ты лучше Траю новость скажи, а то он ничего не знает.

Ламавин самодовольно осклабился.

— Не, сухо такое не рассказывают, — наклонился, вытащил из второй корзины литровую бутылку с длинным горлышком. Выдернул пробку, поднёс горлышко к носу, втянул аромат. Зажмурился блаженно, подал бутылку Траю. — Видал, чем поить вас буду? Настоящий «Весурский лоцман», семь форинтов за бутылку!

— Ого, — уважительно протянул Трай.

— А ты думал! Я ж задаток взял у господина Фа... — Рыжий поспешно прикусил язык, чтобы не проговориться раньше времени. — В общем, я свою удачу поймал за хвост и теперича нипочём не отпущу.

— Вы долго нюхать будете?! — прикрикнул снизу Ардис. Они с сестрой успели разложить на подстилке снедь, расставили глиняные кружки. — А ну садитесь. Наливать пора!

Присели. Налили. Выпили. Вино впрямь было недурственное. Во всяком случае, лучшее из того, что Траю доводилось пробовать. Подумать только — семь форинтов! Мастер Капош себе такого не позволял даже на праздники. Самые красивые из расписанных Траем кувшинов шли по форинту за штуку, а то и по полфоринта, по четвертаку, по три медяка.

— Знатное вино! — похвалил и Ардис. Тут же разлил по второй.

Вино и само по себе было хорошим, а с жареной курятиной, с сочной зеленью, с мягким пшеничным хлебом, с брынзой — так и вовсе! Ардис и третью бы налил незамедлительно, но Ламавин поспешно отставил бутылку — надо же растянуть удовольствие. Посмотрел на жующего Трая.

— Ну? — поторопил.

— Чего? — не понял тот.

— Расспрашивай давай!

— А-а! — протянул Трай, не переставая жевать. Жареное мясо у Капошей подавали редко. Всё больше каша, постный суп да квашеная капуста. — Говори, с кем ты меняешься?

Веснушчатое лицо Ламавина расплылось в улыбке.

— Не, ты угадай. Я подскажу: уважаемый господин, богатей из богатеев...

— Чего там угадывать? — фыркнула Кветтина. — Господин Фальнар ему мену предложил. Ну, знаешь бакалейщика с Чистой улицы?

Трай кивнул, мол, знаю, как же! Но Ламавин ждал восхищения своей удачей, потому пришлось повременить с жеванием.

— Хорошая мена. Он же не старый ещё, крепкий вроде дядька.

— Здоровый кабан, — подтвердил Ардис. Скомандовал рыжему: — Наливай за его здоровье, что ли? А то оно скоро твоим будет.

— О! Эт ты верно сказанул! — Ламавин поспешно разлил вино.

Выпили и за это. Доели курицу.

— Хорошо сидим. — Ардис откинулся на спину, лениво потянулся, разминая широкие, сильные плечи.

В самом деле, хорошо. Сверху солнышко светит, под ногами ручеёк журчит, вокруг — зелено, и внутри — благостно, тепло. Трай улыбнулся от удовольствия. Подставил палец божьей коровке, заползшей на подстилку, поднёс к глазам, рассматривая чёрные точки на кирпично-рыжих надкрылках.

— Теперь выкладывай, чего и я не знаю, — потребовал Ардис. — Бакалейщик монет много обещает за твою конопатую рожу?

Улыбка Ламавина стала ещё шире.

— Монеты — эт так, ерунда. Он мне дом свой отпишет и лавку, и все товары. Вона как!

— Ух ты! — Кветтина даже приподнялась. Трай и не заметил, когда она прилечь успела — букашку разглядывал. — Дом?! Это тот, кирпичный, двухэтажный?

— А то какой же? Двухэтажный, с мансардой. Восемь комнат! Просторные, светлые, окна — во! — Ламавин раскинул руками, чуть бутылку не перевернул.

— Почём знаешь, что восемь? — не поверил Ардис.

— Ходил поглядеть, я ж не простак какой!

— Здорово... — мечтательно протянула Кветтина, вновь растягиваясь на траве. — Хотела бы я пожить в таком доме.

— Так и поживёшь! — пообещал Ламавин.

Трай сделал вид, будто не услышал этих слов. А рыжий снова размахивал руками:

— И лавка моей будет! У господина Фальнара первейшая бакалейная торговля в волости, и она моя теперича, во! Поторгую годиков пять-шесть, накоплю монет и назад поменяюсь. Я уж если вцепился удаче в загривок, нипочём её не выпущу.

Ардис громко вздохнул. Потом быстро сел, потянулся за кружкой:

— Давай за удачу!

Ламавин разлил вино. В три кружки.

— А себе? — удивлённо уставился на него Ардис.

— Мне хватит. Завтра дирижабль летит, трезвым быть надобно.

— Да вам до Небесного Города день и ночь без малого пыхтеть! — возмутился Ардис. — Успеешь протрезветь.

— Так то до Небесья! А в самом дирижабле лететь каково? Так растрясёт, что света белого не увидишь. Не, я уж лучше опосля, когда вернусь.

— Как знаешь!

Ардис залпом выпил, потянулся было за курицей, но от той остались лишь обглоданные косточки. Махнул рукой раздосадованно, оторвал корку хлеба, закинул в рот, задвигал челюстями. Поинтересовался:

— Слушай, Мави, если лавка тебе отойдёт, с чего господин Фальнар жить будет?

— Он в Княжград решил податься, всё заново начать. Чего ж не начать, когда звонкая монета имеется?

Ардис хмыкнул:

— Для Княжграда много монет нужно. Чудак человек, чего ему тут-то не доставало?

— Ничего не чудак, — не согласилась с братом Кветтина. — Он в нашей глухомани сколько жизней прожил? Надоело, поди.

Она повернулась к Ламавину:

— Мави, а ты, когда назад поменяешься, в Княжград переедешь?

Рыжий наморщил лоб — размышлял. Отрицательно покачал головой.

— Не-е. Ард верно говорит — монет много надобно. Да не форинтов, а марок серебряных. Или ещё вернее — золотых. Я на ноги для начала твёрдо стану, а уж после, в какой-нибудь следующей жизни... У меня их много будет!

Он засмеялся. Зато Ардис нахмурился, быстро поднёс кружку к губам. Понял, что в ней пусто, сунул приятелю:

— Налей!

Ламавин взял бутылку, потряс.

— Да тут и не осталось ничего...

— Наливай!

Делить вино так, чтобы хватило всем поровну, будущий бакалейщик пока не умел, потому почти всё выбулькал Ардису. Кветтине попало чуть-чуть, а Траю и вовсе капля. Зато последняя. И едва выпили, рыжий протянул ему бутылку и пробку:

— На, загадывай желание.

Трай бережно пересадил божью коровку на голубенький, недавно распутившийся цветок цикория, потянулся за бутылкой. Но взять не успел — Кветтина перехватила:

— А можно я загадаю?

Уверенная, что никто возражать не станет, дунула в горлышко, пробормотала что-то беззвучно, загнала глубоко пробку — сильная! Воровато оглянувшись на приятелей, юркнула с бутылкой в заросли терновника.

— И чего ты загадала? — крикнул вдогонку Ламавин.

— Нельзя говорить, не сбудется!

— Тоже мне, секрет! Я и так знаю, чего тебе хочется, — похвастал брат. — Богатого жениха, чтоб самой не меняться. Все девки об этом мечтают.

— Ой-ёй-ёй, грамотей! — донеслось из кустов. — Может, я совсем про другое?

— Ну да, как же! — Ардис подмигнул товарищам.
Лицо Ламавина снова расплылось в улыбке — понятно, кого рыжий видел «богатым женихом».

— Сбудется, не сомневайся! — заверил.

Ардис с сожалением повертел в руках пустую кружку.

— Эх, где б мне такого богатея найти на мену?

— Найдёшь! — милостиво пообещал ему Ламавин. Затем посмотрел на Трая. — А ты долго щи хлебать собираешься у этих безудачников?

— А что? — насторожился Трай.

— А то! Ты ж красавчик и рисовальщик вдобавок. Да ты и в Небесье попасть сможешь!

Трай уставился на него:

— Сказанул! Именные грамоты лучшие живописцы рисуют. Куда мне до них...

— Во дурик! А живописцам этим что, меняться не надобно? У тебя рука набита, им и учиться наново не понадобится.

— Да, рыжий дело говорит, — поддержал Ардис. — Ты за такую мену мешок серебра отгребёшь.

— Бери выше — золота! — поправил Ламавин. — Двадцать золотых марок выторгуешь, а то и тридцать. Они там, в Небесье, все богатые, самим господам Небожителем прислуживают! Эт тебе не Княжград даже...

— А зачем? — перебил его Трай.

— Золото зачем? — не понял Ламавин.

— Меняться зачем? Мне молодым быть интересно.

У рыжего челюсть отвисла. Ардис хмыкнул, почесал в затылке, поинтересовался ехидно:

— И чего ты со своей молодостью делать собрался? Горшки размалёвывать?

— Хотя бы и горшки.

— А после? У тебя ж ни гроша за душой. Дома своего нету!

— Я заработаю. Научусь хорошо рисовать и заработаю.

— На какую-то халупёнку? Чтоб обменяться назад — как пить дать не заработаешь!

— Я и назад меняться не стану.

— Ты ж помрёшь! — У Ламавина глаза выпучились. — Ну проживёшь ещё годов тридцать, а потом всё одно

состаришься и помрёшь. Даже если меняться вперёд не будешь — помрёшь!

— И ладно. Мои мама с папой менялись — и умерли. И отец Ардиса умер. И твои родители, Мави, — прости! — скоро умрут.

Над поляной повисло молчание. Лишь звенел ручеёк, да жужжал над крошечной сладкой варежкой мышиноного горошка шмель. Ни Ардис, ни Ламавин не знали, что вернуть приятелю, только переглядывались.

Но тут затрещали кусты, из терновника выбралась Кветтина. Одёрнула юбку, взглянула на обескураженных парней... и захохотала!

— Вы чего глазами лупаете? Не поняли, что Трай вас на смех поднял? Умирают безудачники, а мы ж не такие, верно?!

Ламавин облегчённо перевёл дыхание:

— Точно! Мы знаем, как удачу ловить.

— А то! — кивнул Ардис. Сжал кулаки, скрутил в них воображаемую удачу жгутом. — Мы её вот так! Не улизнёт!

Трай промолчал.

Глава 2 БЕД-ДУАР

Колёса аэроплана ударили по ссохшейся, покрытой редкой низкорослой травой земле пустыря, заставив машину подпрыгнуть. Бед-Дуар тут же выровнял её, повёл по широкому кругу, гася скорость. Повезло, что старуха надумала летом помирать, — рассудил мимоходом. Страшно представить, во что этот «аэродром» превращается осенью. Или зимой. Зимой здесь, на южном побережье, вечная распутица, морозов не бывает. Далеко не каждый пилот решится совершить посадку. С другой стороны, откуда аэропланам взяться в этой забытой Небесами дыре?

Генерал Барис Бед-Дуар, командующий княжьей стражей Тарусии, никакими судьбами не попал бы в рыбацкую деревушку с дурацким названием Устричная Бухта, если бы не чрезвычайное известие, что принёс телеграф. Настолько

чрезвычайное, что пришлось отложить все дела, садиться за штурвал и гнать аэроплан десять часов кряду от Княжграда до этих самых «устриц», позволив себе всего две посадки. Разумеется, самому сидеть за штурвалом генералу никакой надобности не было — все летуны стражи в его распоряжении. Да только ни один летун великого княжества не мог в мастерстве своём сравниться с Бед-Дуаром. Во всём мире едва ли полдюжины набраться могло равных ему. А дело было неотложным, требовалось выжать из аэроплана всю скорость, на какую тот способен.

На краю пустыря, послужившего «аэродромом», генерала поджидала карета, запряжённая четвёркой лошадей. Гербовые орлы на дверцах, синемундирные телохранители на запятках — всё, как положено. Сам волостной исправник, тоже одетый по форме — интересно, часто ли он в неё наряжается в эдакой-то глуши? — переминался с ноги на ногу возле кареты. Как только Бед-Дуар спрыгнул на землю и стащил шлем с головы, бросился навстречу. Как же, узнал!

— Как долетели, ваше превосходительство? Не желаете отобедать? — Исправник скосил глаза на солнце, успевшее проделать две трети пути от зенита до горизонта, поправился: — Отужинать?

Вместо ответа Бед-Дуар бросил ему в руки шлем и перчатки, шагнул к карете:

— Поехали, нечего время терять. Как там старуха?

— Держим, держим, — заверил исправник. На вид ему было лет тридцать пять, мордатый, краснощёкий, по всему видно, не воздержанный в еде и питье. Да и с чего бы ему воздерживаться? Износит эту личину, новую выменяет — для того и мзду берёт. Они все берут, с низу до верху — кормятся. И не тридцать пять ему, конечно, а лет двести, а то и триста. Разбойничью войну наверняка помнит.

Меняных Бед-Дуар недолюбливал. Подозревал, что они ему отвечают тем же, за глаза называют молокососом, мальчишкой, выскочкой, дикарём. Особенно столичные вельможи, живущие уже которую сотню лет. Пусть их, в глаза всё равно вынуждены улыбаться и льстить. Потому что бояться внезапно потерять свою бесконечно долгую жизнь. От

старости откупиться куда легче, чем от кинжала. Старость — она для бедных и глупых.

В древние времена было не так. Человек рождался, взрослел, обзаводился семьёй, затем старел... и умирал. Все умирали! Пусть ты так богат, что можешь купаться в золоте, пусть ты вельможа или сам князь — всё равно умрёшь, не обменяешь звонкую монету на новое тело. Короткая человеческая жизнь не стоила ничего, и от этого оказывалась ещё короче. Люди убивали друг друга за горсть монет, за неудачное слово, за косой взгляд. Князья и герцоги, махараджи и володари собирали армии, устраивали кровавые боины, растрачивая жизни своих подданных сотнями и тысячами, — за клочок земли или признание первородства! А сколько убивали голод и болезни?!

Тысячу лет назад в мир пришли Небожители. Их летающий город завис над Княжградом, сверкая, словно громадная друза драгоценных камней. Многому научили они людей — лечить болезни, строить дирижабли и самодвижущиеся повозки, получать эфирную силу из воздуха и воды, передавать сообщения по проводам и эфирным волнам, — но, главное, они установили цену человеческой жизни. Оказывается, люди могут меняться друг с другом телами!

Небожители предложили своё ремесло всем желающим за разумную плату. Если ты богат, но стар или болен, найди молодого менщика, посули монет, отвези в Небесье, и Небожители сделают всё остальное. Если ты молод, но беден, тоже ищи себе мену. Не будь простаком, ловчи, зарабатывай звонкую монету, начинай собственное дело. Если серебро и золото не вскружат тебе голову, если не протретькаешь менную плату, не пропьёшь, не прокутишь, а наоборот, приумножишь, снова меняйся, теперь — назад! Сумеешь повернуть дельце, стало быть, ты — удачник, и впереди тебя ждёт долгая жизнь. Нет — родился ты безудачником, и никто в этом не виноват. Ступай в могилу, а бывшее твоё тело послужит иному хозяину.

Домик старухи стоял почти у самого моря, так что карете пришлось пересечь деревеньку наискосок. И опять Бед-Дуар

порадовался, что попал сюда в летнюю сушь. В распутицу карета неминуемо увязла бы на немощёных улочках по самые оси.

Ждать, пока телохранители спрыгнут с запяток, генерал не стал. Первым выскочил из кареты, распахнул калитку, чуть ли не бегом пересёк дворик с луковыми грядками, навесом для вяленья рыбы, ворвался в хибару. И едва не столкнулся в полутёмных сенях с невысоким коренастым мужичком — деревенским старостой.

— Где старуха? — поймал его за шиворот Бед-Дуар.

— Т... тама, — староста ткнул пальцем в дверь такую низкую, что Бед-Дуару потребовалось пригнуться, чтобы пройти в неё. Уже вдогонку пискнул: — Померла она, ваше сходительство...

— Как померла?! — Бед-Дуар замер от неожиданности. Потом пнул дверь сапогом, шагнул в комнатушку. — Что значит, померла?! Я приказал держать её живой, пока прилечу! Лекаря из волости привезти!

— Я лекарь. — Навстречу ему поспешил моложавый господинчик с пушистыми бакенбардами, явно предназначенными восполнить лысину. — Со вчерашнего вечера здесь...

— Так в чём дело, черви тебе в брюхо?!

— Медицина не всесильна, ваше превосходительство. Мы ведь не Небожители.

Возразить на это было нечего. Бед-Дуар оттолкнул лекаря в сторону, прошёл в угол, где на койке лежало недвижимое тело, прикрытое латаной, застиранной простынёй. Масляная лампа висела над койкой, в свете её лицо умершей казалось маской. Заострившийся нос, туго обтянутые кожей скулы, ввалившиеся щёки. В самом деле, древняя старуха, зажившаяся на этом свете.

За спиной топали, шумно дышали. Бед-Дуар обернулся. В комнатушку набилось не менее дюжины: лекарь, староста, какие-то бабки, исправник со своими телохранителями. Нидохнуть, ни протолкнуться.

— Лишние — вон, — тихо произнёс генерал. — Остаться старосте, лекарю и тому, с кем старуха тайной делилась.

Шебаршение на миг замерло.

— Ваше превосходительство, а я? — осторожно уточнил исправник.

— Лишние — вон. — Пальцы генерала легли на рукоять кортика.

Предупреждать третий раз не потребовалось. Секунда — и комнатуха опустела, последний из телохранителей прикрыл за собой дверь бесшумно, но плотно. Староста тут же протянул генералу свиток, подтолкнул вперёд единственную оставшуюся в комнате старуху:

— Вот, сестра её. Ей она всё и рассказала, а уж эта — мне. А я — исправнику в волость депешу отправил. А он...

— Цыц.

Бед-Дуар подвинул стоящий в ногах кровати табурет, так чтобы оказался он под лампой, сел, развернул свиток. Именная грамота, выданная Лали Волич. Место рождения — Устричная Бухта, Песчанская волость, Юго-Западный округ. Год рождения — 967-й, год мены — 990-й. Отец... Мать... Он перевёл взгляд с портрета на лицо умершей. «Старуха» была младше его. Совсем уж неудачно поменялась, раз и на пятнадцать лет тела не хватило.

Он взглянул на вторую женщину:

— Значит, ты её сестра?

— Двоюродная, по бабушке, — закивала та. — С Лалью мы погодки, и живём на одной улице. В детстве, помню...

— Говори, что она тебе о Светлых Богах рассказывала, — перебил её Бед-Дуар.

Старуха замолчала, неуверенно покосилась на старосту.

— Этова... ну так разум у неё от хвори помутился. Вон, и лекарь сказал...

— Говори. Всё. Подробно, — с расстановкой повторил генерал.

Старушка поспешно закивала:

— С весны захворала она сильно, последний месяц и не вставала почти. Я к ней каждый день заходила, похлёбку там сварить, прибраться. А третьего дня она мне и говорит: «Яраль, помираю я. Признаться должна». Яраль — это меня так кличут...

— Дальше!

— Стало быть, рассказала она, что дитё своё не от супруга прижила. Что замуж уже тяжёлая пошла, бесчестье скрыть хотела.

— Муж её рыбаком был. Десять лет как утоп, — поспешно вставил староста.

— Ну да. Так вот, Лаль тоже однажды чуть не утопла. Собирала устриц в потаённом месте, да и попала в прилив. Унесло её в океан, там бы и конец девке. Да подобрала её железная рыбина, а в рыбине той — Светлые Боги. Лаль говорит, они брат и сестра, да кто же их знает? Обоё высокие очень, бледные, волосы белые, глаза зелёные. Когда разговаривают — губы не шевелятся, рты закрыты, а всё слышно. Ещё картинки они ей показывали — будто сон, только наяву. Не иначе землю свою заокеанскую, Вирий. Вот Лаль и решила, что заберут они её с собой. Обрадовалась.

Старуха замолчала, перевела дыхание.

— Дальше, — поторопил генерал.

— Так не забрали её, вернули назад. Уже тяжёлую вернули, хоть Лаль клянётся, что не ложилась со светловолосым тем, как с мужем.

— Откуда же она знала, что беременна?

Старуха развела руками:

— Говорю, разум у сестры помутился. Я же помню, как на самом деле было — на две недели она тогда пропадала. Потом вернулась в деревню. Спрашивали, где была, — молчит. Не иначе с заезжим женишком сбёгла, а он обрюхатил, да и бросил.

— Дочка у неё и впрямь чудная, — прошептал староста.

— Да, необычная девушка, — подтвердил лекарь. — Я лечил её однажды. На родителей непохожа совершенно. Цвет кожи, волос, глаз — чрезвычайно редкое сочетание, прежде я таких не встречал. И чрезмерно крупная для своего возраста. Ей тогда лет четырнадцать было? А ростом как взрослая женщина.

— Эт когда её сильничали? — уточнил староста. — Двенадцать. Она ещё выросла после. С ваше сходительство будет.

— Тем более. И безупречно здоровая, что тоже необычно для детей бедноты. Собственно, мне и лечить её не пришлось, организм сам восстановился.

Бед-Дуар быстро переводил взгляд с одного на другого. Затем вновь посмотрел на старуху:

— Почему твоя сестра решила, что это были Светлые Боги? Они сами так себя называли?

— Так этова... а кто ж они тогда? Светлые Боги, во всех сказках их так зовут.

— Ещё раз спрашиваю, сами они себя как называли? Сестра говорила?

— Говорила. Ох, запомновала я... а, ну как же! Наблюдальщики!

— Наблюдатели, — поправил Бед-Дуар.

Он закрыл глаза на несколько секунд. Значит, всё правда. Малограмотная старуха не смогла бы придумать эту историю.

О беловолосых Наблюдателях, отслеживающих всё, что происходит в Наземье, Бед-Дуар знал давно и надеялся однажды встретиться с ними лицом к лицу. Зачем? Там видно будет. В конце концов он командует княжьей стражей, отвечает за безопасность державы. Но сейчас происходило иное. Если рассказ умершей старухи правда, то Наблюдатели не только наблюдали.

— Что ещё рассказывали сестре эти Наблюдатели?

— Так картинки про Вирий...

— К лешему твой «вирий»! Важное что-нибудь. О Небожителях например?

Старуха покачала головой.

— Нет, ничего такого не говорила. Мол, остальное они только дочке рассказать разрешили.

Бед-Дуар повернулся к старосте:

— Я правильно понимаю, в деревне девки нет? Где она?

— Так она годика четыре тому как на мену улетела. И не вернулась.

Генерал даже зубами скрипнул от такого известия.

— Четыре года, не путаешь? Сколько ей лет тогда было?

— Шестнадцать. Именную грамоту получила, и только мы её и видали.

— Что-то ты врёшь. Ни одна девка не станет меняться в шестнадцать. Им замуж выйти нужно, детей родить, пока молодые.

— Небесами клянусь, не вру, ваше сходительство! Я ж говорил — чудная она! Грит, монеты нужны, чтоб арифметике в стольном университете учиться и прочим премудростям. Как будто ей волостной школы мало!

— Почему же ты не доложил, если она такая «чудная»? О всякой ерунде доносы пишешь, а тут молчок? Ты для чего на должность поставлен? Княжьими глазами и ушами быть или мзду с деревенских тянуть?!

Староста струхнул не на шутку. Ничего, лишь бы в штаны не навалаял, подумал Бед-Дуар со злостью.

— Так... ваше сходительство!.. девка и девка, дура — что о ней сообщать? Я ж не знал, что государственный интерес. Да вы не сомневайтесь! Приметы разошлите по волостям, вмиг объявится, кто с ней мену делал. С такими приметами не объявиться никак нельзя! А там уж и саму девку отыщите.

— Да, тело приметное, — поддержал лекарь. — Найти, у кого оно сейчас, труда не составит.

Бед-Дуар посмотрел на них, вздохнул молча. Встал, пошёл к двери. В хибаре делать было нечего, да и в деревеньке тоже. Уверенности этих простаков он не разделял. Знал нечто такое о мене, чего никому из наземцев знать не полагось.

Глава 3 ЛАМАВИН

Следующая неделя у Трая выдалась трудной. Вначале надо было расписать всю посуду, что вышла из горна не растрескавшейся. Потом они с мастером Капошем ездили копать глину в излучину Берестянки за двадцать вёрст от города. Затем привезённую глину следовало обработать. Затем... в общем, о Ламавине и его мене Трай и думать забыл. Пока однажды, ближе к вечеру, во двор гончара не вбежал Ардис.

— Трай, пошли скорее! Рыжий, оказывается, вчера вернулся. Сидит в своём новом доме и нос не кажет. Наверное, к брюху бакалейщика привыкает.

Посмотреть на приятеля в новом обличье было любопытно, потому отнекиваться, ссылаться на недоделанную работу Трай не стал. Да и работа была нудная и утомительная — разминать и просеивать глину, очищая её от камней и прочего мусора. Такая работа вполне могла подождать до завтра. Или до послезавтра. Куда спешить? И те горшки, что он уже расписал, госпожа Капошева не скоро распродаст.

Бакалейная лавка была заперта, потому приятели обогнули её, поднялись на крыльцо двухэтажного, беленного известью дома. Траю было чуть боязно. В домах городских богатеев бывать прежде ему не доводилось. Товар мастер Капош доставлял сам, а в гости они, ясное дело, нищелюбов не приглашали. Даже стоять на крыльце перед дубовой в резных узорах дверью боязно. А ну как околоточный на улице объявится: «Вы что там делаете? Воровство замыслили?!» И дубиной по спине!

Ардис забарабанил в дверь. Удары получались глухие, не услышишь.

— Наверно, в окно лучше стучать? — неуверенно предложил Трай.

Ардис покосился на ближнее окно, за которым виднелись горшки с геранью, тюлевая гардина, угол серванта, но постучал опять в дверь. Оно и понятно: стёкла в окнах громадные, ровные, прозрачные. Расколешь ненароком — вовек не расплатишься.

— Кто там безобразничает? — донеслось изнутри дома.

Дверь медленно отворилась. На пороге стоял господин Фальнар. Красномордый лысоватый дядька лет пятидесяти, на голову выше Ардиса, и в два, а то и в три раза шире, чем Трай. Он хмуро посмотрел на парней:

— Зачем дверь ломать? Звонок вона, ослеп?

Ухватил пухлой волосатой лапищей за висевший справа от двери шнурок, потянул. Из глубины дома раздалась мелодичная трель.

Ардис почесал затылок.

— Мави, это ты или не ты? — поинтересовался неуверенно.
— Я, кто ж ещё? Или тебе именную грамоту показать? Заходите, коли припёрлись!

Это в самом деле был рыжий. Да только совсем не рыжий теперь! Называть дородного дядьку «Мави», хлопать по плечу было как-то неловко. Трай знал — неловкость скоро пройдёт, надо лишь привыкнуть к новому обличению человека, месяц-другой и станет казаться, что он всегда таким был. Но поначалу коробило.

Ламавин провёл их через переднюю, затем они поднялись на второй этаж по широкой каменной лестнице с деревянными перилами. Ардис то и дело вертел головой, рассматривая богатое убранство. Одобрительно цокал языком, а когда увидел огромное зеркало в золочёном окладе, охнул. От столь явных знаков восхищения хмурое лицо хозяина дома немного посветлело.

На втором этаже Ламавин завёл их в крайнюю слева — угловую — комнату. Здесь стояли здоровенный стол с двумя тумбами, пара кожаных кресел, кожаный же диван, шкаф под самый потолок. Дверцы у шкапа были сплошными, что хранится внутри, не понять. Одно окно комнаты выходило на улицу, из него открывался вид на крыльцо, где давеча стояли Трай и Ардис. Прямо под другим аела черепичная крыша лавки.

— Ты тут спишь? — немедленно поинтересовался Ардис, плюхаясь на диван. — Неудобно, жёстко. Богатеи могли бы и помягче постель стелить.

— Во невежа, ни разу не грамотный, — презрительно выпятил нижнюю губу Ламавин. Прежде такой привычки Трай у него не замечал. — Эт кабинет, я здесь работаю. А спальня — дальше, по коридору.

Ардис почесал затылок. Снова оглядел комнату, особо задержался на шкапе.

— Работаешь? И что ж ты тут делаешь? Неужто по-прежнему сапоги тачаешь? А я-то думал, богатеям работать не нужно.

Да, в шкапе вполне могли поместиться и дратва, и колодки, и обрезки кожи, и банки с канифолью, и всё прочее, что

может понадобится сапожнику. Но Трай очень сомневался, что оно там есть.

У Ламавина оттопырилась губа.

— Я здесь бумаги просматриваю, счета всякие, накладные. Ну, сколько товара продано, сколько на складе осталось, сколько прикупить надобно, у кого и по какой цене.

— И ты в этом кумекаешь?! — недоверчиво вытаращился Ардис. — Да ты и читаешь-то еле-еле. Цифры складывать не умеешь!

Ламавин враз насупился, отвернулся. Трай подумал, что приятель — бывший приятель? — погонит их взашей. Поспешил заговорить о другом:

— Мави, расскажи, как в Небесном Городе было?

Ламавин помолчал с минуту — дулся, — затем пожал плечами.

— Да как? Как люди рассказывают, так всё и есть. Прилетели мы туда, пошли к писцам, что во Дворце Прошений сидят. Подали прошение, грамоты предъявили. Ну, расспросили нас, к лекарям направили, чтоб проверили, здоровы ли, в трезвом ли рассудке меняться хотим. А народищу там, народищу! Всюду очередь, всюду ждать надобно. Хочешь без очереди — плати мзду сверх положенной пошлины. Ну, господин Фальнар, он прижимистый, переплачивать не захотел. Так мы полдня там промыкались, пока разрешение на мену получили. Потом во Дворец Ожидания нас пустили. Там тоже очередь. Ну, хорошо, хоть сидеть есть где, и пожрать дают. Не от пуза, знамо дело, но зато даром, представляете? Потом выкликнули нас, на второй ярус повели. Ух и лестница там! Мою видали? Так в Небесном Городе — в четыре раза шире и раз в десять выше. А главное — идти по ней не надобно. Ступеньки сами едут, во!

— Про чудеса с самодвижущейся лестницей все болтают, — пожал плечами Ардис. — А вот что она в десять раз выше твоей... Какая ж это высота у дворца получается?

— У дворца обыкновенная. Лестница не на второй этаж, а на второй ярус ведёт, уразумел? Дворцы, в которых мы до того побывали, они на нижнем ярусе стоят. А на второй поднялись — там всё иначе. И описывать не возьмусь, своими

глазами увидеть надобно. Блюстителю нас довели до... ну, как бы зала большая, только она не внутри дома, а снаружи... но там и наружи нету! Довели, значит, и передали с рук на руки господину Небожителю.

Трай так и подался вперёд:

— А какой он, Небожитель?

— Какой? — Ламавин задумался. — Ну, одежда на нём светится вся. Не разберёшь, то ли золотом, то ли серебром, то ли перламутром, но светится. Повёл он нас по улице неширокой... или по коридору широкому? Не понял я. Да там и идти не понадобилось — мостовая сама движется, как ступени на лестнице. Доехали мы до какой-то двери, господин Небожитель её отворил, а за ней зала, надвое перегороденная. На каждой половине — кушетка жёсткая. Лёг я, господин Небожитель мне на голову штуку золотую тяжёлую приладил, и всё, заснул я. А проснулся на другой половине, вот в этом обличье. Небожитель нас обратно к лестнице проводил — она как первая, только у этой ступени вниз едут. Спустились, а у писца уже новые грамоты именные лежат — с новыми портретами. Ну и дарственная на дом и на лавку как уговаривались. Очередя назад не такие длинные.

Ламавин замолчал. И Трай с Ардисом молчали. О том, как меняются в Небесном Городе, они слышали не впервые, но представить это чудесное место, пока собственными глазами не увидел, не получалось, тут рыжий прав. Тьфу ты, не рыжий больше!

Неизвестно, как долго длилось бы молчание, но в дверь тихо постучали. Раньше, чем Ламавин успел буркнуть: «Ну что там ещё?» в комнату вошла русоволосая женщина в синем с золотыми узорами халате до лодыжек. Не старая, но и не так, чтобы молодая — под тридцать. А то за тридцать — у богатых тела изнашиваются медленнее. Красивая. Не той пышной красотой знойного лета, что нравилась Траю, но всё равно красивая. Длинные ноги, узкая талия — слишком узкая для высокой, почти как у Кветтины, груди, прямой нос, тонкие губы, глаза цвета майского неба. Женщина несла серебряный поднос с тремя маленькими чашечками с тёмным дымящимся напитком.

— Добрый день! Кофе для гостей. Или, может быть, принести херес?

— Не нужно, — совсем уж хмуро ответил Ламавин.

Женщина улыбнулась, поставила поднос на стол, кивнула гостям на прощанье и вышла. Ардис проводил её взглядом до самой двери. Трай готов был поклясться, что смотрел он не куда-нибудь, а на маленькую округлую попку женщины.

— Ну, пейте уж, раз принесла, — пробормотал Ламавин. Показывая пример, поднял чашечку, поднёс ко рту.

Трай взял угощение. Чашечка была из настоящего фарфора, белого, гладенького, приятного на ощупь. Не то что пить из такого, но и держать в руках подобную красоту ему прежде не доводилось. Лишь издали видел, на витринах самых дорогих городских лавок. Осторожно — не уронить бы! — пригубил. Кофе он тоже прежде не пивал — заморский напиток, дорогой. Капоши в последнее время даже чай себе не позволяли, сушёную траву заваривали. Кофе оказался горьким и горячим. Но вскоре Трай ощутил во рту приятное послевкусие и передумал отставлять чашечку.

Ардис к изысканному напитку не прикоснулся. Вместо этого набросился на хозяина с расспросами.

— Погоди-ка, Мави, это ж не служанка приходила, а? Это жена бакалейщика... тьфу ты! Жена Фальнара?

— Угу. — Ламавин и глаз не поднимал. — Госпожа Эдаль.

— Ты ж говорил, они в Княжград ехать хотели?

— Фальнар и уехал. А жену не взял с собой, развелись они. Детей у них нет, подали прошение градоначальнику, тот гербовую печать шлёпнул, и вся недолга.

— А тут она чего делает?

— Живёт! Фальнар ей за развод половину дома и половину лавки отписал.

Трай чуть не поперхнулся от такой новости.

— Вот дела. — Ардис почесал в затылке. — Выходит, облапошил тебя бакалейщик, а? Ты ж говорил, он тебе всё имущество оставляет?

— Он всё и оставил — всю свою недвижимость. Только не знал я, что он перед самым отлётом в Небесье располовинил

его! Если б он раньше развёлся, хотя бы на пару деньков! До того, как я его бумаги глядел...

Ламавин тяжело вздохнул, шумно отхлебнул кофе. И Трай сделал глоток. С менами всегда так — того и гляди обмишурят, в них каждый свою выгоду ищет. Насильно заставить меняться нельзя, но обхитрить — можно, этого Небожители не запрещают. Удача, она удача и есть.

— И чего ты делать станешь? — допытывался Ардис. Ламавин молчал. — Так ты с ней поделись! Раз у вас по половине, то пусть она тебе отдаст свою часть дома, а ты ей — лавки.

— А жить я с чего стану? Без торговли-то?

— Тогда наоборот, дом ей отдай.

— А где жить, пока на новый заработаю? В лавке ютиться? Несolidно это, клиентов растеряю. — Ламавин помолчал, нехотя добавил: — И не смыслю я пока во всех этих бумажных делах, а она здорово соображает. Фальнар как женился на ней, так торговля у него разом в гору пошла, и дом новый отстроил, и на Княжград монет накопил. И мне надобно накопить побыстрее, чтоб назад меняться. А если я ей дом отдам — она его продаст, новую лавку откроет, всех покупателей к себе переманит. Не, врознь нам пока никак нельзя.

Правильно он рассуждал, умно, но был в его словах какой-то подвох. Ардис не почувял, зато Трай, пусть не мгновенно, но уловил:

— Послушай, как же ты сам торговать собирался? Или не сам? Так ты знал, что госпожа Эдаль с мужем в Княжград не поедет?

Ламавин опять вздохнул:

— Фальнар сказал, что она останется, поможет торговлю начать. Я ж не знал, что он ей половину имущества отпишет!

Ардис захохотал:

— Так ты сам себя перехитрил, выходит? Ты думал, она на тебя задарма работать станет? Хитрован! Слушай, а чего она сама-то хочет?

— Я почём знаю? Тока зубы скалит и помалкивает. Ну, ужином вчера покормила, как я сюда переехал. И нынче — завтрак, обед, полудник.

— Спали вы тоже вместе? В одной кровати?